

— Вот такие вот дела... — Маша невидящими глазами смотрела прямо перед собой. — Что делать? Хоть вешайся. Только он этого от меня и ждет.

— Да уж, влипла ты, Русакова, по самые уши! — ответила Танька и помахала рукой официантке, чтобы принесла еще пирожных.

Кафешка была так себе, но, поскольку находилась рядом с офисом агентства недвижимости, где трудилась Танька, ее тут все знали. Да и ее коллег тоже. Офис представлял собой две крошечные душные комнатенки, заваленные бумагами, поэтому многие дела решались здесь же, в кафе. Агентство было так себе, не из лучших, дела у него шли ни шатко ни валко, однако Таньке, по ее собственным словам, хватало на хлеб с маслом. И на пирожные.

Официантка принесла фруктовую корзиночку и чизкейк, фамильярно похлопала Таньку по мощному плечу — кушай, мол, к Рождеству нарежем — и удалилась.

Танька на прозрачный намек не обратила внимания, она всегда была толстой. И ни капельки по этому поводу не переживала, и ничуть не расстраивалась. Фамилия ее была Тусова, и за свои габариты получила она в школе кличку Танька Ту-сто-четыре.

Они дружили с пятого класса. Как открылась у них во дворе новая школа и две девочки сели на третью парту в среднем ряду, так и просидели до окончания школы вместе. У Таньки характер легкий и бесшабашный, на все неприятности она только рукой махала, и они сами улетучивались.

И уж если сейчас вместо обычного своего «не парься, Русачок, все образуется» она сказала, что Маша влипла, значит, так оно и есть. Да Маша и сама понимала, что жизнь ее ужасна и беспросветна. Уже давно, несколько месяцев. А точнее полтора года. Весь этот кошмар начался полтора года назад. Только тогда она думала, что нашла наконец свое женское счастье.

«Господи, что со мной стало, — тут же опомнилась Маша, — я даже думаю теперь, как героини женских романов! Вот уж чего раньше никогда не было...»

— Ты окончательно решилась? — спросила Танька невнятно, оттого что жевала корзиночку. — Не будет так, что ты позвонишь мне и скажешь, что все в порядке, что вы выяснили отношения и ты решила дать ему еще один шанс?

— Да ты о чем? — Маша отодвинула пустую чашку.

— Я о чем? — возмутилась в ответ подруга. — А что, не было этого? Я, как полная дура, уже документы подготовила, к начальству вышла, а ты мне звонишь — полный отбой! Дескать, это было ошибкой, ты погорячилась, он, Рустамчик твой, осознал свою вину, надо, дескать, подходить к нему с другой меркой, вы с ним, дескать, воспитаны на разных сказках, поэтому не можете понять друг друга...

— Я это говорила? — изумилась Маша.

— И еще много такой же чуши, — угрюмо подтвердила Танька.

Маша поникла головой и тяжело вздохнула.

— Теперь точно не передумаю, — сказала она после долго молчания, — теперь уже полный край. Домой боюсь идти, бить он меня начал.

— Бить? — Таньку наконец проняло.

— Да тише ты, — прошипела Маша, — вон, люди оглядываются.

— Да какие тут люди, все свои! — отмахнулась Танька. — Кому какое дело? То-то я гляжу, морда у тебя какая-то не такая...

— Это зажило уже. — Маша совсем пала духом. — В первый раз ударил, когда пришла поздно после презентации. Ну, довез меня начальник на машине, а что такого? Выпили там, он и взял такси, нам по дороге было... А Рустам меня встречает — весь в поту, глаза горят, как у дикого кота, обозвал по-всякому да по щекам отхлестал. Я, конечно, возмутилась — что ты себе позволяешь, как смеешь? А он тогда схватил меня за шею — думала, задушит. Ну, опомнился потом, прощения просил, на коленях стоял, на руках носил...

— Секс, конечно, у вас был обалденный... — прищурилась Танька.

— Ну да... — Маша подняла на нее глаза, — это всегда пожалуйста, с этим никаких проблем.

— Этим он тебя и взял! — безжалостно добавила Танька. — Поплыла ты, Русакова, как мороженое на асфальте!

— Только наутро как глянула я на себя в зеркало, так и обомлела. Все лицо в синяках, фиолетовое просто.

— Круто! Как же ты на работу-то в таком виде? — любопытствовала Танька.

— Выходной был, а потом я сказала, что после косметической процедуры, нити вставляла.

— Что еще за нити?

— Ой, да не бери в голову, не об этом речь!

При Танькиной комплекции она могла не бояться морщин до восьмидесяти лет.

— Так и ходила неделю, потом зажило.

— Простила его? — В Танькином голосе прозвучало нескрываемое презрение. — Вот я тебе скажу, если бы меня Вовка хоть пальцем тронул, он бы летел у меня с двенадцатого этажа без парашюта!

Как ни была Маша расстроена, она не могла не улыбнуться, представив себе низкорослого щуплого Танькиного мужа, который поднимается на цыпочки, зажмуривает глаза и хлопает ее по щекам. Да уж, вряд ли у него получится, скорей Танька его отлупит.

Впрочем, они никогда не ссорятся, у Таньки характер легкий, и Вова мужчина тихий, все больше с дочкой возится, пока Танька на работе. А вообще-то она понятия не имеет, как они живут, потому что виделись они с Танькой в последнее время редко. Да и раньше часто расходились надолго. Но если что случится серьезное, то сразу к Таньке нужно бежать, уж она точно никогда не навредит. Не выдаст, не позлорадствует, не растреплет по всему городу про Машины неприятности. А в данном случае еще и помочь может.

— Ну, потом что было? — спросила Танька, покончив с пирожными. — Не раскисай, Русакова, у меня времени мало, говори толком!

— Толком я уже давно ничего не делаю... — Маша снова вздохнула, — того гляди с работы уволят, с соседями проблемы, матери боюсь на глаза показаться, квартира...

— Квартиру ты решила продавать! — припечатала Танька. — Чтобы с этим паразитом разье- хаться! А что там с соседями?

— Да понимаешь... тогда недели две он продер- жался, а потом пошло-поехало. Вроде бы старалась я повода ему не давать, да как назло все время на ра- боте задерживалась. Ну, приехал он как-то за мной, наорал при всех. Начальник мне утром замечание — у нас, мол, приличная фирма, чтобы я такого больше не видел, в следующий раз охрану вызову. А если, говорит, вас, Мария Сергеевна, такое положение вещей не устраивает, то милости прошу по собствен- ному желанию, вы, конечно, сотрудник ценный, но незаменимых, как раньше говорили, у нас нет.

Я, конечно, дома Рустаму все высказала — ты по- нимаешь, кричу, что я из-за тебя работу потеряю? И такой не найду больше, чтобы так хорошо пла- тили. Он — в крик, что я его унижаю как мужчину. Ну, я и лягнула, что на мои деньги живем.

— Что, правда? — вскинулась Танька. — Ты эту дрянь еще и содержишь?

— Было одно время... — вздохнула Маша, — когда он денег не приносил совсем.

— Ну, Русакова! — начала было Танька, но взглянула в Машины несчастные глаза и осеклась.

— В общем, я же еще и прощения просила, на коленях стояла... А лето, окна открыты, в общем, встречаю я на неделе соседку в лифте, она так смо- трит и говорит, что у нас, мол, дом новый, хороший, люди все живут приличные... И намекает мне насчет того, что закон есть по поводу шума и можно по- лицию вызывать...

— А ты что?

— А я сорвалась, нахамила, некоторым, говорю, много дела до чужих отношений!

— Это ты зря...

— Сама знаю, что зря, эта ведьма в ТСЖ пожаловалась и растрепала по всему дому, на меня и другие соседи коситься начали. Знаешь ведь, как у нас относятся к людям кавказской национальности.

— А не орали бы при раскрытых окнах... — протянула Танька. — Ладно, что еще случилось?

— Я Рустаму сказала про соседей да про полицию, а он в лицо мне рассмеялся. Дескать, пускай старая ведьма жалуется, с ней там и разговаривать не станут, у него в нашем отделении все схвачено.

— Что, правда?

— Ну да, кто-то у него там знакомый, его и прописали ко мне поэтому легко. Один раз прихожу я домой, а Рустам с ним на кухне сидит. Мужик так поглядел на меня нагло — я, говорит, из нашего отделения, вот, Рустама давно знаю, а с вами решил познакомиться... Я говорю, простите, вас не вызывали, с чего вы пришли? Это, говорит, хорошо, что у вас тишь да гладь, так и продолжайте жить... И ушел, а Рустам мне и говорит: если ты попробуешь меня выписать, то ничего у тебя не получится!

— Во как! — вставила Танька. — Знакомое дело, квартира, конечно, твоя, но ты, дура, его прописала в свое время, хоть говорила я тебе этого не делать. И теперь фиг его выпишешь, если ему некуда!

— Потом он совсем распоясался. Я уж стараюсь ему угождать как могу, да все не так. Соус ткемали не так приготовила — по морде, рубашку его сожгла — в глаз. На работе чего только ни врала — и что имплантат у меня плохо приживается, и что гель не тот вкачали, оттого и синяки. Чувствую — не верят мне уже, переглядываются за спиной.

— Да кто в такое поверит? Ох, Русакова, ну как же тебя угораздило? Да ладно, не реви, — добавила Танька, заметив, что в подругину чашку из-под кофе капают слезы.

— Ты меня знаешь не первый год, — Маша высморкалась в салфетку, — я не рохля и не мямля. Но тут как околдовал он меня.

— Сексом взял... — на этот раз в голосе Таньки звучало несомненное ехидство.

— Ну да, мне казалось, что такого мужика я всю жизнь ждала. И дождалась. Лет-то нам сколько...

— А сколько? Тридцать пять всего, какие наши годы?

Маша подумала, что Танька, толстая обжора Танька по кличке Ту-сто-четыре, как-то все умудрилась успеть. И муж у нее есть какой-никакой, и дочка в первый класс пойдет осенью. И работа опять-таки не бог весть что, но, может, это и не главное? А у нее, Маши, которая всегда была и красивее, и умнее, как-то ничего не сложилось. Теперь она одна как перст, нет ни мужа, ни детей, о любимом мужчине не может думать без содрогания, с работой ничего не ясно, и квартиру, в которую вложила столько денег и сил, придется продать. Да и машину, наверно, тоже.

— В общем, ударил он меня как-то по привычке на кухне, а у меня нож в руке. Я — на него, да куда там! Вырвал он нож, к лицу поднес — счас, говорит, всю морду перережу, кому ты такая будешь нужна? А мне ничего не будет, а если и будет, то тебе-то с этого не легче...

— Логично... — протянула Танька.

— Гляжу, а глаза у него прямо белые от бешенства. Руки дрожат, сам весь потный, слюной брызжет и шипит... Верить — сознание потеряла от страха.

Очнулась — в кровати, опять он меня по щекам лупит, чтобы в себя привести. Отвела его руку, села, да и говорю — чего, мол, хочешь, чтобы убраться из моей жизни навсегда? Знаю, что просто так из квартиры не выпишешься, так сколько тебе нужно? И не трать, говорю, время на слезы да на извинения, кончилось это все уже, больше не пройдет, не сработает.

Он, конечно, начал распинаться, как мы счастливо жить будем с ним да ребенка заведем и так далее.

Ну, говорю, это все уже в прошлом, давай по существу. Он и заявляет: раз ты так, то я, конечно, выпишусь и уйду. Но куда? Нужна мне своя площадь. Да не просто комнатенка в коммуналке, а отдельная квартира.

Ого, говорю, от жадности не умрешь? Ну, он понял, что притворяться больше не надо, наслышалась я. Угрожал, что убьет и закопает в овраге, никто не найдет. Ну и так далее. А только на меня все это уже не подействовало, я ему и говорю, что если умру, то ему квартиры все равно не видать, она матери моей достанется как ближайшей родственнице, а у мамы новый муж — адвокат крупный.

— Что, правда? — удивилась Танька.

— Нет, конечно, понятия не имею, кто он такой, но Рустам поверил. Но стоит на своем — квартиру ему, однокомнатную, хоть в хрущобе, но не первый этаж и не последний.

— Губа не дура у него...

— Таких денег у меня нету, так что придется квартиру продавать, я же тоже в коммуналку не поеду...

— Ну, про это ты по телефону говорила, — Танька поерзала на стуле, — в общем, так, Русакова, про твою квартиру я все знаю, она быстро уйдет, если

цену не завысить. Ему однушку тоже подберу, это не проблема. А вот с тобой...

— Я уже на все согласна, только чтобы одной остаться! — вскинулась Маша. — Верить ли — домой боюсь возвращаться, все перед глазами его рожа стоит перекошенная, во сне вижу, как он на меня с ножом бросается. В общем, полный край наступил, на тебя вся надежда.

— Есть кое-что на примете... — Танька изучающе смотрела на подругу. — В общем, ты сейчас куда?

— На работу, у меня уж перерыв давно кончился! — спохватилась Маша. — Ох, уволит меня начальник!

— Поезжай, я с владельцем квартиры свяжусь и тебе звякну!

Танька позвонила к концу рабочего дня, сказала, что есть для Маши кое-что подходящее — квартира в центре, на улице Средней Подьяческой. Райончик так себе, недалеко от Сенной площади, но дом хоть и старый, но не развалюха. Квартира двухкомнатная, площадь, конечно, маловата, но выбирать не приходится.

— Там старушка умерла, а по документам квартира ее племяннику принадлежит, бабка ему в свое время дарственную сделала. А он куда-то уезжает, квартиру эту срочно продает! Цену еще снизит, если поторговаться! — орала Танька в трубку. — И самое главное — он сказал, что если аванс заплатим, то в этой квартире можно сразу жить! А то тебя твой урод и вправду убьет или до смерти запугает!

— Я согласна, — дрогнувшим голосом сказала Маша.

Условились, что Танька заберет ее из дома, где Маша соберет документы и кое-какие вещи на первое время. Маша почувствовала, что тугой комок

из колючей проволоки, который с некоторого времени появился у нее внутри, потихоньку разматывается. И проволока уже не такая колючая, не так больно ранит... Все же какое счастье, что у нее есть Танька Ту-сто-четыре!

У Таньки в машине сидел самый настоящий шкаф. Он аккуратно занимал все заднее сиденье. Одет шкаф был в клетчатую теплую рубаху, на небольшой незаметной голове плотно сидела кепка-бейсболка с названием американского клуба.

— Это Юраша, — сказала Танька, — он нам пригодится.

Из машины Юраша вылезал очень медленно, как будто боялся что-то расплескать, и ходил тоже не спеша, аккуратно переставляя ноги, ему некуда было торопиться.

Рустам оказался дома, и Маша поймала себя на мысли, что впервые за долгий срок ее сердце не провалилось вниз от страха — какой он сегодня? За что наорет или вообще изобьет ее на этот раз?

Он вышел в прихожую и увидел Таньку.

— Это еще что за баба? — неприятно удивился он. — Зачем ты притащила в дом этот кусок сала?

Танька и бровью не повела, хотя теперь Маша не назвала бы ее Танькой. Сейчас Танька не болтала с подружкой, а работала.

Татьяна посторонилась, и в дверь заглянул Юраша. Прихожая у Маши была просторная, но тут в ней стало тесно. Было даже забавно наблюдать, как из обычно яростного и надменного лицо Рустама становится растерянным, а потом просто трусливым.

— В чем дело? — Даже голос у него дрогнул, вместо бархатного баритона получился жиденький тенорок.

— Ты помолчи пока. — Подруга сжала Машин локоть. — Мы тут сами разберемся.

Маша кивнула и ушла в спальню собирать вещи.

— Значит, так, — сказала Татьяна спокойно, — эту квартиру она продает. Я агент по недвижимости, со мной будешь дело иметь. Тебе — однокомнатную в Купчине, этаж третий, окна не на помойку выходят, подъезд закрывается. Прямо сейчас поедешь смотреть вот с Юрашей. Там и договор подпишешь.

— А если я не согласен? — взбрыкнулся Рустам. — Может, я выбирать хочу?

— Моя бы воля — ты бы выбирал между местом у параша и больничной койкой, — сказала Татьяна ровным голосом, — но раз она хочет, чтобы все было по-человечески, хотя ты, шелупонь рыночная, этого и не заслуживаешь, то вот тебе квартира, и подавись ею. И чтобы завтра же выписался отсюда, Юраша проверит. А сейчас он фотографирует тут все, и смотри — если хоть одна лампочка пропадет, или краны ты снимешь и налевопустишь, или со злости мебель переломаешь — мало тебе не покажется, обещаю. С полицией найду.

— Ты мне полицией угрожаешь? — Рустам нагло рассмеялся. — Да ты знаешь, что капитан Семушкин из нашего отделения — мой самый лучший друг?

— Это хорошо, что ты фамилию назвал, — опять-таки спокойно заметила Татьяна, — потому что у меня тоже есть хороший друг, в отделе по борьбе с коррупцией. Полковник Коноплянко, не слышал про такого? Ему как раз кстати — сразу нужное имя получил. Как думаешь, если у капитана Семушкина неприятности начнутся и он узнает, кто его сдал, — как он к этому отнесется?

Маша, приникшая к двери спальни, услышала сдавленное ругательство, потом возню и приглу-